

Глава 2: Принц, Королевская Семья и День Рождения II

Большой банкетный зал, соединенный через балкон с садом и предназначенный исключительно для королевской семьи.

Здесь играли лучшие в стране музыканты. В центре зала расположился танцпол, и несколько пар уже неуверенно кружили на нём. Яркие платья дам пёстро пылали, на манер цветочных лепестков, едва ли не как у фей, что возвещают о наступлении весны.

Фуршет активно наполняли всевозможными блюдами. Столы все вырядили в белые скатерти. На них не оставалось места от произведений искусства королевских поваров. Обслуга разносила фужеры с алкоголем высших сортов, специально заготовленным для подобных празднеств. Официантки суетливо носились вокруг столов и господ.

«Это местный семь-пять-три что ли? Боже, как же хочется попробовать эту еду...» (прим. пер.: 7-5-3 праздник японский, окда)

Поглядывая краем глаза, как гости наслаждаются трапезой, звезда сегодняшнего вечера, Хершерик, вздыхал от всего сердца.

Хершерик восседал на особом месте рядом со своим отцом – королём. Одаривая каждого особой деловой улыбкой, что ещё в прошлой жизни помогала ему не раскрывать эмоции, он справлялся с всё проходящими толпами людей.

Так в этой стране заведено, что дети королевской семьи и аристократии впервые бывают в высшем обществе в три года. К тому же дети королевского рода редко с кем встречаются, в основном пребывая в замке. Они, считай, вообще не контактируют с другими дворянами. Его могли бы посещать родственники по материнской линии, если бы существовали, но они не королевских кровей. И то только один дедушка-простолюдин. Он, скорее всего, отрёкся от матери Хершерика, когда она вышла замуж, потому количество тех, с кем Хершерик встречался с момента рождения, удручало, и его отец и Мерия были на первых позициях. Вот почему этот банкет в честь его трёхлетия был обречён стать первым разом в его жизни, когда он увидел так много людей.

Кстати, в шестнадцать происходит первый выезд в свет, уже будучи частью высшего общества, а в восемнадцать человек становится достаточно взрослым, чтобы выпить.

Знал он это потому, что повстречался со своим самым старшим братом. Первый принц прибыл вместе со своей невестой. Когда они поздравили Хершерика, отец с натянутой улыбкой сказал принцу особо не паясничать.

Однако кое-что отвлекло его от слов отца. Это была приближающаяся группа людей. Мужчины и женщины, юноши и девушки, мальчики и девочки. И все невообразимо красивы. Это были братья Хершерика и их невесты.

«Благородные гены поражают...»

Одни за другими члены королевской семьи подходили к сборищам людей, чтобы обменяться приветствиями. Их платья были неповторимы – двое одинаковых или схожих не встречались ни в коем случае.

Все жёны были столь красивы даже в среднем возрасте, что их фигуры заставляли задаваться вопросом: рожала ли кто-нибудь из них? Получив приглашение на банкет, никто из них не мог спустя рукава отнестись к внешности. Лучшие и непохожие друг на друга одежды, макияж, причёска. Всё было на высоте.

Все это касалось не только жён. Братья Хершерика и их невесты оказались так прекрасны, что никто не мог не оглянуться на них, когда те проходили мимо. Казалось, сравнивать внешность с прекрасными цветами додумались после того, как увидели их.

Начиная с первого принца, все остальные были невероятными красавцами, чьих принцесс отбить у них просто невозможно. Хершерик, имея весьма ограниченный словарный запас, был очень благодарен, что существует слово «икемен» (прим. пер.: короче говоря, красава).

К примеру, у его старшего брата, первого принца, были роскошные красные волосы.

Они словно пылали, как и его глаза того же цвета. Его мать была очень очаровательной женщиной, но её сын, унаследовав эту черту, даже незначительным жестом выражал небывалую утончённость и обаяние. Одежда плотно облегла тело, лишь подчёркивая его элегантность. Только он завершил формальное приветствие именинника Хершерика и короля, как его окружила толпа дворянок. Тем не менее, сопровождающая принца девушка держала их на расстоянии.

Следом за ним явился второй принц, по внешности – весь в отца.

Длинные платиновые волосы лежали за спиной в строгом зачёсе. Синие, как глубины океана, глаза, отличались тяжестью, несвойственной тому же первому принцу. Такие серьёзные, засмотришься – и утонешь в них, но с женскими обольстительными глазками ничего общего у них нет. Смазливое лицо оттеняло сокрытую в нём силу.

Шесть братьев-принцев отличались друг от друга буквально всем, кроме одного – все были красавчиками просто невероятными.

Все выразили свои поздравления, но Хершерик думал совсем не о том, как бы им ответить.

«Что за дрянная отомэ? Красивые мальчики куда ни глянь!»

Хершерик вздыхал про себя. Это первый раз, когда он встретился со своими братьями, а ему

уже, кажется, плохо. От всеобщей красоты...

«Хорошо, что хоть кто-то здесь не впечатляет! Ещё бы! Это же... я»

Хершерик ёрзал на месте с шуткой в голове. Но чувствовал он себя подавлено.

Сегодня Мерия, полная энтузиазма, нарядила Хершерика как в последний раз.

На тёмно-зелёном смокинге, тонко вышитом, блестели узорчатые пуговицы и манжеты. Новенькая шёлковая лента зелёного цвета стильно смотрелась на шее. Мерия и отец оценили наряд, но он слишком зазнался, думая, что на самом деле выглядит неплохо. Каждый новый божественный красавчик, по какой-то глупой ошибке связанный с ним кровным родством, топтал его тщеславные мысли о собственной красоте в пух и прах.

«Как бы выразиться. Вероятно, мне не хватает какой-то «аристократической» ауры» - задумался Хершерик, глядя на своих братьев. Типичные для принца голубые глаза и светлые волосы - ну куда ему до этих инкубов.

Старшего брата можно сравнить с розой, второго - с лилией. Хершерика же со слабым дыханием ребёнка.

«Хотя странно сравнивать лицо с таким...»

Лишь физиологически Хершеник больше не был великовозрастной отаку.

«Даже когда тебя хвалят красавчики, лучше не становится. Такое подсознательно воспринимается за утешение или лесть...»

Все братья Хершерика формально его приветствовали. Разумеется, парой рядовых фраз они хвалили его одежду или его самого. Но Хершерик всё равно недоволен. Да уж, больно капризным он стал.

Недоволен он потому, что, проводя аналогию, ситуация выглядит так: делаешь ты комплимент симпатичной девочке, а она говорит - «Ты тоже милашка!».

Это, конечно, просто его паранойя.

Между прочим, Рёко была из тех, кого раздражало, когда нахваливали и так очевидных красоток, а не обычных девочек.

В то время как его тщеславные мысли разбились в пух и прах, приходящие поприветствовать

люди сменились с королевской семьи на дворян. Первым к нему подошёл министр, маркиз Барбассе́.

- Для меня огромная честь встретиться с вами, ваше высочество Хершерик.

«Ах, на фоне недавней толпы красавчиков, обычное лицо успокаивает...»

Хершерик подумал, что прозвучало бы это грубо, так что промолчал.

Маркиз Барбассе́ был мужчиной в расцвете сил, с глазами и волосами цвета древесной коры, с ухоженными усами, подчёркивающими его аристократический образ.

Взгляд его глаз оказался острым, пронизывающим. Это заставило Хершерика резко поменять впечатление о нём.

В прошлой жизни Хершерик был очень восприимчив к эмоциям других людей. Интуиция также не промахивалась. Рёко могла за секунду до того, как зазвонит телефон, уже потянуться отвечать. Это её, так сказать, особый навык. Он всегда впечатлял её стажёра.

- Большая честь встретить вас, министр. Спасибо, что нашли время, чтобы приехать.

Хершерик воспитанно и любезно ответил маркизу. Но для трёхлетнего ребёнка это было слишком.

В прошлой жизни мать Рёко обязательно бы отметила:

«Ты из тех людей, которые ведут себя псевдо-вежливо с теми, кого не любят»

В общем-то, эта черта досталась ей от родителей. Её мать говорила, посмеиваясь: «разве не бесит, когда человек, с которым у тебя взаимная неприязнь, начинает вести себя деланно вежливо?». Эта женщина действительно была матерью Рёко...

Министр не спускал с него пристального взгляда. Хершерик улыбнулся. Если что-то идёт не так - улыбайся и делай уверенное лицо. Это тоже один из секретов успешной жизни, которые вывела Рёко. Но у этой техники есть один недостаток: она работает не всегда и не на всех. Тут нужно выбирать момент.

Маркиз Барбассе́ улыбнулся в ответ. Его недавний взгляд казался простой проверкой.

- Кажется, это очень смыслённый малыш, Ваше Величество. Я с нетерпением жду его будущих свершений.

- Знаю. Он - моё сокровище, и я тоже жду, как же он себя проявит в будущем, - отец Хершерика ответил с улыбкой на лице.

Но от взгляда Хершерика не укрылись слегка сжатые ладони и напряжённое лицо его отца. От разговора этих двух Хершерик чувствовал некоторый дискомфорт. Благо постепенно это чувство пропало. В итоге Хершерик ничего так и не сказал.

Засвидетельствование почтения аристократами близилось к концу, когда перед гостями предстал взволнованный человек. Хершерик почувствовал его пристальный взгляд и обратил на него внимание.

Мужчине было около тридцати. Его светло-лимонные волосы зачёсаны назад. Приехал он в потрёпанном фраке. У него было красивое лицо, но в сравнении с другими дворянами, слишком худое. Даже не утончённое, а тощее, истощённое. Никто не обсуждал его внешность, потерянный вид и прочее. Все просто старались сторониться его.

Внезапно он сжал кулаки, что-то должно было произойти. Не сбавляя шага, он подошёл к королю, встал на одно колено и сказал:

- Ваше Величество, у меня для вас кое-что очень важное.

Говорить он начал без никаких формальностей и приветствий, заставив Хершерика вздрогнуть. Солейл встал между Хершериком и мужчиной, словно пытаясь защитить сына.

- Для чего же?

Солейл спрашивал со статью и тоном короля. Так с Хершериком он никогда не говорил. Выглянув из-за отца, Хершерик посмотрел на мужчину, потом на своего отца, а затем на окружающих. Атмосфера, цветущая ранее, исчезла. Музыка прекратилась, как и людской говор. В воздухе повисла тяжесть.

- Ваше Величество, ежегодно ситуация в стране движется к критической отметке. Налоги взимаются принудительно, при этом они всё время растут. Это давит на людей, а люди давят на дворян и чиновников. Отношения и положение ухудшаются! Прошу вас, ваше величество, займитесь страной! - мужской голос эхом зазвучал в тихом банкетном зале.

- Сейчас наше королевство Грейсис, просуществовавшее более пятисот лет, неминуемо движется к краху!

- Вы грубите Его Величеству! Следите за тем, что говорите, граф Люцерия!

Тот, кто сказал это, был маркиз Барбассе. Однако худощавый мужчина - граф Люцерия - с широко раскрытыми от ярости глазами уставился на министра.

- Это вам бы стоило следить за собой, маркиз Барбассе! Вы, аристократ, маркиз, - зверь, что пожирает нашу страну!

- Что?..

- Вы коррупционер, набиваете карманы за счёт своего положения. Кроме того, у меня есть доказательства того, что у вас есть связь с другими странами!

Граф Люцерия достал какой-то документ и передал его королю.

- Ваше Величество, это одна из улик, которые я собрал. Прошу вас, ознакомьтесь.

Солейл осторожно взял документ и пробежался глазами по тексту. Тут же дыхание короля сбилось.

- Это...

Ему не нужно было зачитывать содержимое. Не было никаких сомнений, что документ содержал шокирующую правду – дрожь в голосе короля тому свидетельствует. Наверное.

Банкетный зал вновь погрузился в тишину, но обвиняемый маркиз её прервал.

- Ваше Величество, это лож.

Голос был до ужаса спокойным. Хершерик перевёл взглядна маркиза Барбассе, который в свою очередь серьёзно смотрел на графа Люцерию.

- В прошлом ходили слухи, что я сотрудничал с зарубежными странами. Поскольку за собой я такого не припомню, то начал собственное расследование. Стоило мне это сделать, как кто-то под моим именем связался с нашим злейшим врагом... И это были вы, граф Люцерия.

И вдруг Хершерик увидел кое-что. Министр Барбассе, чьё лицо прежде сохраняло серьёзность, слегка приподнял уголки губ в зловещей, торжествующей улыбке. Но всего на мгновение. В то же время лицо графа Люцерии стремительно бледнело.

По сигналу маркиза из ниоткуда вынырнул человек и вручил запечатанное письмо королю. На сургуче не было никаких следов вскрытия.

- Мои люди схватили шпиона из особняка графа Люцерии, прямо перед тем, как он покинул страну. Это то, что нашли при нём.

- Граф Люцерия, это ваше письмо?

Люцерия ответил молчанием на вопрос короля.

Имперская печать клеймила смолу на письме. Как только её сломают, открыв письмо, содержимое доказательство попадёт наружу.

Король взял письмо и вскрыл печать, тогда как граф Люцерия молчал. Он прочитал письмо и глубоко вздохнул.

- Это ходатайство о предоставлении убежища в другой стране. «В обмен на информацию о моей стране я прошу о положении и вознаграждении...». Подписано: граф Люцерия, рядом та же имперская печать, - в голосе отца Хершерика сквозили намёки на отчаяние.

- Первый шаг сделан?.. - пробормотал граф Люцерия. Его слышали только Хершерик и король.

- Арестуйте предателя!

Триумфальное воззвание маркиза Барбассе зазвенело эхом в зале.

Рыцари ворвались в банкетный зал и скрутили Люцерию головой вниз.

Поднялся шум. Никто не заметил, как блестящий предмет проскользил по мрамору и остановился у ног Хершерика.

Красивые серебряные карманные часы.

Хершерик поднял их. Они еле поместились в его руке, всё же ему всего три.

Когда он оторвал взгляд от часов, Люцерию уже увели.

- Извини, что испортил твою вечеринку, Херше.

Хершерик слышал голос своего отца над головой. Он резко поднял его на руки. Когда они встретились глазами, лицо Солейла выглядело усталым. Казалось, он сейчас расплечется.

- Думаю, мы пойдём?

Это были последние слова короля на банкете. Король пошёл в покои, взяв с собой любимого сына. Лишь дворецкий сопровождал его. Никто не вставал у них на пути.

«Что-то не так...»

Хершерик всматривался в карманные часы, пока отец уносил его. С тех самых пор, как он попал в этот мир, впервые он ощущал беспокойство.

Став из простого смертного членом королевской семьи, он мало что знал, и для него такая жизнь была полна неожиданностей. Тем не менее, беспокойство от нового и неожиданного он принял, и уже даже привык. Максимум дискомфорта, что он ощущал, не сильнее перехода с риса на хлеб.

Но это беспокойство отличалось.

Щелчки секундной стрелки нагнетали беспокойство.

<http://tl.rulate.ru/book/14743/643174>